

801-16
2383

НАШИ
ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ
О
ЯЗЫЧЕСКИХЪ БОГАХЪ
РУССКОЙ МИФЛОГІИ.

Д. О. ШЕППИНГА.



Отдѣльный оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ».

ВОРОНЕЖЪ.
Въ Типографіи В. И. Исаева.
1889.

Дозволено Цензурой. Москва, 28 декабря 1888 г.

71305-0



2007336842

НАШИ ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О ЯЗЫЧЕСКИХ БОГАХЪ РУССКОЙ МИЕОЛОГІИ *).

Въ послѣдніе тридцать лѣтъ собрана несмѣтная масса разнородныхъ матеріаловъ и указаній по части общеславянской міеологіи, сваленныхъ въ одну общую хаотическую груду обрядовъ, повѣрій и собственныхъ именъ, въ которой и разобраться трудно. Невольно приходится намъ на умъ, при этой кучѣ матеріаловъ, лавка антикваріевъ: здѣсь, возлѣ обломка древней греческой статуи, стоитъ средневѣковой рыцарь въ своемъ панцирѣ и шлемѣ, возлѣ молота, доисторическаго каменнаго вѣка, лежитъ турецкая сабля или черкесскій ятаганъ, а возлѣ стараго саксонскаго фарфора—новѣйшая поддѣлка керамическаго искусства. Конечно, намъ могутъ возразить, что всѣ эти предметы принадлежатъ къ исторіи общечеловѣческой культуры, но тѣмъ не менѣе они все же ничего цѣлаго собой представлять не могутъ. Точно тоже можно сказать и о грудѣ скопленныхъ передъ нами свѣдѣній и фактовъ, часто ничего общаго между собой не имѣющихъ, но все же касающихся общеславянской міеологіи. Прежде чѣмъ выводить системы и теоріи изъ данныхъ, иногда совершенно разнородныхъ, слѣдовало бы заняться критическою оцѣнкой самыхъ матеріаловъ, ихъ источниковъ и ихъ большей или меньшей достовѣрности. Пора бы отказаться пока и отъ общеславянскихъ языческихъ воззрѣній, причиняющихъ у насъ нерѣдко много путаницы. Различныя вѣтви славянскаго племени развивались неодновременно и не подъ одинаковыми бытовыми и климатическими условіями, почему при всемъ родственномъ тождествѣ основныхъ началъ, языка и вѣрованій всѣхъ Славянъ, нельзя однако-жъ возводить повѣрье какой нибудь отдѣльной вѣтви въ общеславянский культъ и навязывать русской или сербской на-

*) Статья, служащая отвѣтомъ на 235 вопросъ, предложенный Московскимъ Археологическимъ Обществомъ на разработку для 8 Археологическаго съѣзда.

родности чисто — мѣстное сказаніе Болгарь, Чеховъ, или кумиролуженіе балтійскаго поморья. Одна и таже религіозная идея принимаетъ у различныхъ племенъ различныя имена и формы проявленія, а иногда, по корню своему, сходныя названія получаютъ въ разныхъ мѣстностяхъ и разныя значенія; часто заносятся религіозныя воззрѣнія другихъ народностей къ ихъ ближайшимъ славянскимъ сосѣдямъ и большое вліяніе имѣютъ на мѣстное развитіе отдѣльныхъ вѣрованій — географическое положеніе и климатическія условія.

Если обратимся мы теперь къ источникамъ много-различныхъ свѣдѣній, дошедшихъ до насъ о языческихъ вѣрованіяхъ Славянъ, мы вездѣ встрѣтимся съ двумя, постоянно отдѣльными, группами источниковъ: изустной народной передачи и свѣдѣній, дошедшихъ путемъ письменности, свѣдѣній, непременно прошедшихъ черезъ горнило монашеской нетерпимости духовныхъ писателей, какъ католической, такъ и православной церкви. Но вездѣ это различіе не высказывается такъ рѣзко, какъ въ нашихъ туземныхъ русскихъ преданіяхъ. Повѣрье о домовыхъ, лѣшихъ и русалкахъ еще и до нынѣ живетъ въ каждомъ изъ нашихъ селеній; другія же божества язычества, если и исчезли изъ суевѣрнаго воображенія простого народа, сохранились для насъ или въ обрядныхъ празднествахъ и играхъ, какъ Ярило, Турецъ или Навій день, или звучатъ еще въ нашихъ пѣсняхъ и поговоркахъ какъ: Лядо, Чуръ или Карачунъ. Вообще всѣ эти имена чисто — русскія и для каждаго осмысленныя и всякому понятныя безъ помощи иранскихъ и санскритскихъ словопроизводствъ. Имена же книжнаго источника, всѣ безъ исключенія, нынѣ совершенно чужды русскому народу и непонятны, такъ какъ не оставили по себѣ ни малѣйшаго отголоска, ни въ бытовыхъ обрядахъ, ни въ лингвистической связи этихъ именъ съ олицетворяемыми ими явленіями природы, — такъ что положительно можно сказать, что если бы не дошли до насъ лѣтописи, повѣствующія о сооруженіи кумира въ Кіевѣ и о договорныхъ клятвахъ Игоря и Олега, мы

бы не имѣли ни малѣйшаго понятія о Перунѣ, Хорсѣ, Дажбогѣ и Мокоши.

Духовенство наше, въ первые вѣка христіанства на Руси, далеко держалось отъ бытовой жизни народа и не только не интересовалось ею, но съ омерзеньемъ отворачивалось отъ всего, что духовнымъ отцамъ казалось богомерзкими остатками прежняго идолопоклонства. Понятно, что суевѣрія и языческія преданія народа трудно проникали сквозь стѣны монастырей, гдѣ въ своихъ уединенныхъ келіяхъ наши ученые монахи писали свои лѣтописи, поученія, требники и прочія духовныя сочиненія, поэтому естественно, что монахи знали о нашемъ язычествѣ также только изъ древнѣйшихъ письменныхъ источниковъ. Эти письменныя свѣдѣнія раздѣляются на двѣ категоріи. Первая категорія — это лѣтописи, въ которыхъ почти буквально переписывались слова Нестора о Владимировыхъ кумирахъ, сохраняя даже въ перечисленіи ихъ порядокъ Лаврентіевской лѣтописи. Такъ напр., въ Степенной книгѣ, лѣтописяхъ — Никоновской, Архангелогородской, Софійской, Ипатьевской, Густинской и пр. Въ двухъ послѣднихъ находятся кромѣ того еще вставки съ именами новыхъ кумировъ, явно заимствованныхъ, въ Ипатьевской изъ болгарскаго хронографа, а въ Густинской изъ Польско-Германскихъ хроникъ и историковъ. Вторая категорія состоитъ изъ поученій, посланій и другихъ сочиненій духовной литературы нашей старины XII до XVI вѣка, въ которой подъ вліяніемъ византійскаго просвѣщенія, кромѣ Несторовскихъ кумировъ, встрѣчаются и новыя имена югославянскаго происхожденія и классической греческой міѳологіи, такъ напр. появляются у насъ вслѣдъ за Перуномъ и Хорсомъ имена Аполлона и Артемиды или же болгарскаго сказочнаго краля Трояна, сербскихъ виль и дивъ. Относительно языческихъ обрядовъ свѣдѣнія этихъ писателей чрезвычайно скудны и кажутся не подмѣченными изъ дѣйствительной жизни народа, но почерпнутыми книжнымъ путемъ изъ другихъ источниковъ и только искусственно навязанными русскимъ Славянамъ.

Наконецъ изобилуютъ эти поученія общими мѣстами противъ всякаго проявленія свѣтскихъ увеселеній и народныхъ празднованій внѣ церкви и молитвы: «Сходятся мужи, и жены, и дѣвицы на nocturne плещеваніе и на безчинный говоръ и на бѣсовскія пѣсни и на плясаніе, и на скаканіе, и на богомерзкія дѣла»...

«Того ради не подобаетъ христіанамъ игръ бѣсовскія играти еже есть: плясаніе, гуденіе, пѣсни мірскія, идольскія жертвы. Каковы-же христіане, а поганыхъ образъ носяще обезображивая лице, творя неистовые крики, плясанія, сатанинскія рукоплесканія, или женскіе уборы надѣваемые мужами»... «Ибо той и зрѣлище придумалъ и научилъ смѣхотворца и кощунника и играца, да и злыми дѣлами ихъ погубить и зрящихъ»... Первое извѣстіе о языческихъ богахъ встрѣчается въ лѣтописи при клятвенныхъ договорахъ Олега, Игоря и Святослава съ Греками. По русскому закону клялись оружіемъ своимъ и Перуномъ, богомъ своимъ, Волосомъ скотнымъ богомъ: «Да будетъ клять отъ бога и отъ Перуна и да кладемъ клятву отъ бога въ его же вѣруемъ—въ Перуна и Волоса бога скотьяго».

Много лѣтъ тому назадъ высказали мы предположеніе, что каждое племя, въ составѣ княжеской дружины, клятву приносило по своему закону своимъ народнымъ божествомъ: Варяги Перуномъ, а Славяне—Волосомъ. Въ клятвѣ Олега къ имени Перуна добавлены слова: «богомъ своимъ», прямо относящіяся къ самому Олегу; въ договорѣ Святослава еще яснѣе выражается та же мысль,—здѣсь клятва дается отъ бога, въ котораго вѣруемъ и какъ бы нами на выборъ называются два божества: Перунъ и Волосъ. Кумиръ перваго изъ нихъ существовалъ уже въ Кіевѣ гораздо раньше другихъ идоловъ при Олегѣ или Игорѣ: «за утро призва Игорь слы и приде на холмъ, гдѣ стояше Перунъ». Но всѣтаки, какъ кумирслуженіе, такъ и самое имя Перуна и другихъ кіевскихъ божествъ явленія, чуждыя языку и вѣрованіямъ туземцевъ, занесены къ намъ въ историческую эпоху первыхъ кіевскихъ князей. Въ кратковре-

менномъ своемъ существованіи на берегахъ Днѣпра эти божества не успѣли войти въ народъ и провинуть въ его бытовую жизнь, почему ови и исчезаютъ у насъ почти безслѣдно съ самаго момента уничтоженія ихъ.

До Перуна едвали наши русскіе Славяне имѣли идоловъ и кумировъ; съ появленіемъ послѣднихъ появились и кровавыя жертвы, которыми «осквернишася земля русская и холм отъ», какъ выражается Несторъ, прямо указываетъ этими словами на новизну требъ. На эту новизну культуса громовержца и связаннаго съ нимъ кумирслуженія, указываютъ намъ еще другія свидѣтельства, въ особенности слова Св. Григорія: «начаша требы класти роду и рожаницамъ, прежде Перуна бога ихъ (иныхъ) и переже того клали требы упиремъ и берегинемъ».

Со стороны князей едва-ли не связывалась съ введеніемъ на Руси общественныхъ торжествъ кумирслуженія, правительственная мѣра, стремящаяся укрѣпить политическое владычество духовною властію. Въ особенности проглядываетъ это стремленіе въ поступкахъ Владиміра, который, не найдя и здѣсь достиженія своей цѣли, начинаетъ замышлять о новой вѣрѣ, для чего разсылаетъ повсюду пословъ изучать религіи другихъ народовъ; самъ вникаетъ въ законы и обряды христіанъ, евреевъ и магометанъ и, пораженный торжественностію богослуженія греческой церкви, принимаетъ святое крещеніе и вызываетъ въ Кіевъ священниковъ изъ Царьграда для крещенія своего народа.

Появленіе кумировъ въ Кіевѣ положительно можно считать исторической случайностію, не имѣющей ничего общаго съ развитіемъ туземныхъ вѣрованій языческаго народа. Самое первенство, приписываемое Перуну нынѣ въ нашей міеологіи, кажется намъ также искусственнымъ выводомъ нашей современной науки. Изыщная словесность создала слово перуны, а міеологія связала съ именемъ Перуна всѣ примѣты и повѣрья, относящіяся къ физическому явленію грома или первоначальному божеству грозовыхъ тучъ, если ябѣ сомнѣ-

ніа, что Иліа пророкъ, по сказанію народныхъ легендъ и суевѣрій, замѣнилъ у насъ древнѣйшее божество грома языческаго періода, изъ этого еще не слѣдуетъ, что совершенно во всемъ можно отождествлять Илію съ Перуномъ. Подобныя безцеремонныя извращенія народныхъ преданій, переходя изъ одного ученаго сочиненія въ другія болѣе популярныя книги и учебники, совершенно искажаютъ самое преданіе *).

У насъ на Руси положительно имя Перуна не сохранилось ни въ одномъ выраженіи языка, ни въ одномъ собственномъ имени, ни въ сказкахъ, ни въ суевѣрныхъ обрядахъ народа, тогда когда въ Польшѣ и Литвѣ, какъ у латышей его имя донинѣ служить названіемъ грома, и Перкунъ еще живетъ въ сказкахъ и легендахъ литвина и латыша **). У Бѣлоруссовъ же и Карпатскихъ Словаковъ имя громовержца въ поговоркахъ служитъ синонимомъ діавола, «Кабъ цябе Перунъ узявъ», «Паромъ те трѣскуль забилъ». И такъ имя Перуна, будь оно и чисто славянскаго происхожденія, все же у насъ на Руси не туземно и дошло до насъ письменнымъ путемъ лѣто-

*) Часто грѣшитъ Аванасевъ въ этомъ своевольномъ перенесеніи фактовъ отъ одного лица на другое, но гораздо дальше идетъ Квашининъ-Самаринъ, рассказывая болгарскую легенду о кражѣ солнца сатаной, онъ ставитъ вмѣсто христіанскаго Бога—Вѣлбога, вмѣсто сатаны—Чернабога, а вмѣсто Архангела—Перуна, какъ будто эти имена встрѣчаются и въ народной передачѣ (Русская бѣсѣда 72 г. книга 4, страница 233). Дальше онъ описываетъ Перуна слѣдующими словами. Ему вручилъ Вѣлбогъ молотъ небесный, ему поручилъ вѣчную войну противъ злаго начала. На огненной колесницѣ, запряженной огнедышащими конями носится громовникъ въ небесныхъ пространствахъ, сопровождаемый Стрибогомъ и вѣтрами, натягиваетъ свой гремѣющій лукъ—радугу, пускаетъ стрѣлу молнію и сокрушаетъ темные полчища враговъ. Всѣ эти подробности заимствованы у германскаго Тора или у Илліа громовника, а Перуну приписывается все это въ воображеніи автора статьи.

**) См. сборникъ матеріаловъ по этнографіи выпускъ 2-й, Литвинскія мифологическія сказки, стр. 5—7; Буслаева, Народная Рус. поэзія, 1 т. 333 стр.

писи, откуда оно проникло въ требники и духовныя поученія XV в.

Остальные кумиры, воздвигнутые въ Кіевѣ Владиміромъ: Хорсъ, Дажьбогъ, Стрибогъ, Симаргла или Сима и Рѣгла и Мокоша.

Хорсъ (Хърсъ) и Дажьбогъ были оба богами солнца; въ Лаврентіевскомъ текстѣ они не отдѣлены другъ отъ друга, какъ прочія имена частичкой і, почему Бодинскій и считаетъ послѣдняго объяснительнымъ русскимъ переводомъ иноземнаго Хорса. Въ послѣднее время, новѣйшіе наши лингвисты *) стали рѣшительно отрицать зендское словопроизводство Хорса отъ персидскаго Хуршитъ (осетинскій Хуръ, дезгорское Хорсъ т. е. солнце). Какъ Ягичъ относительно Дажьбога отрицаетъ производство его имени Срезневскимъ отъ санскритскаго Dah горѣть и возвращается къ повелительному наклоненію глагола дать. Въ нашей книгѣ, Русская народность, мы высказали свой взглядъ на Хорса, какъ на солнце въ его зловредномъ зимнемъ полугодіи, что и подтверждается его сближеніемъ съ чешскимъ Сатурномъ Krt. **). В. С. Миллеръ видитъ въ ореографической разницѣ Лаврентіевскаго Хърса и Дажьбога съ Хърсомъ и Дажьбогомъ «Слова о полку Игоревѣ» вліяніе на его сочинителя югославянскихъ литературныхъ источниковъ. Замѣчательно, что Хорсъ названъ жидовиномъ въ Бесѣдѣ трехъ Святителей Погодинскаго списка: «два аггела кромѣшніе суть—олимпійскій старецъ Перунъ и Хорсъ жидовинъ». Въ нашихъ былинахъ богатырь-жидовинъ считается Безсоновымъ за Хозарина или волжскаго болгара:—

«Еще что же то за богатырь ѣхалъ?
Изъ той-ли земли изъ жидовскія
Проѣзжалъ жидовинъ могучь-богатырь
На эти степи Цысарскія!»

*) Jagić, Archiv für Slav. Philologie, 5 ч. 1 кн. Mythol.

**) Письмо Эрбена къ Гильфердингу о славянской мифологіи.

Такъ какъ оба эти племена въ VIII в. приняли еврейство раньше, чѣмъ перешли въ магометанство *), къ югославянскому происхожденію этого мѣня склоняется и Ягичъ, въ виду приведенной имъ сербской сказки о Дабогѣ: «Био Дабг' цар на землѣ и Господ Бог на небесима **), въ которой Дабогъ разыгрываетъ роль побѣжденной Богомъ нечистой силы. Случайное же названіе какой-то деревни Дацбоги и областное выраженіе даждьбогъ вмѣсто дайбогъ представляются въ нашихъ глазахъ весьма сомнительными памятниками кievскаго кумира. Что касается звуковъ *кз*, *кх*, то они у всѣхъ арийскихъ племенъ сохранились въ языкѣ и собственныхъ именахъ въ такомъ множествѣ различныхъ корней и созвучій, что въ этомъ филологическомъ лабиринтѣ легко нашімъ доморощинскимъ лингвистамъ заплутаться и заблудиться, нисколько не доказывая туземность Хорса своими сближеніями съ прозвищемъ гончихъ собакъ (хорты) или аглицкимъ названіемъ лошадей.

Стрибогъ по корню своего имени безсомнѣнно славянскаго происхожденія, отъ *стри* по моравски вѣтеръ, созвучное съ нашими быстрый, стремительный, стрѣла: «въ словѣ о Полку Игоревѣ» вѣтры названы Стрибожьими внуками. Указываютъ у насъ на озеро Стрибожь, сюда же относится чешское и болгарское вѣдьма-Стрига, собственно моравая язва, повѣтріе и Trībess; у западныхъ Славянъ богъ повѣтрій, падежа, у Вацерада переводится латинскимъ Lues, все это указываетъ намъ скорѣе на божество западныхъ Славянъ, во всякомъ случаѣ не русское.

Загадочная Симаргла или Сѣма и Рѣгла, по чтенію Архангелогородской лѣтописи, божество очевидно иноземное и намъ совершенно чуждое. Занесено ли оно въ Кіевъ съ Кимеритійскихъ береговъ Чернаго моря

*) См. пѣсни Кирѣвскаго, 4 т. прил. СХХХІV стр. Барсова Вѣст. Евр. 1879 г. Apr. стр. 808 и Риттиха, Этногр. Рос. сін, Казанской губер. стр. 31.

**) Jagic, Archiv für Slav. Philologie 5 ч., 1 кн. Mythol.

или съ Македонскаго побережья, нынѣ столь богатаго греческими воспоминаніями классическаго міа *). Одни стараются отыскивать въ Реглѣ семиритійскаго Нергала **), вифорскаго Анерга, одной надписи царицы Комоссоры, сообщенной Ашикомъ въ его Вифорскомъ царствѣ, когда Ягичъ видитъ въ Реглѣ Семѣ Ираклиса, грекоегипетскаго міа, при чемъ замѣчаетъ, что именно Иракль былъ въ большомъ почтеніи въ Македоніи, гдѣ имѣлъ храмы. Пытались нѣкоторые изслѣдователи Регла отождествить съ Ерылой (регла-ергла-ера Ерыла) нашихъ русскихъ повѣрій, но попытка эта оказывается столь же несостоятельной, какъ поддѣлка польскими и нѣмецкими учеными Симарглы въ Зимстерглы, для объясненія ея значенія богиней весны, стирающей слѣды зимнихъ морозовъ.

Послѣдній кумиръ Несторовскаго списка, Мокошь или Мокоша, признается многими по своему окончанію за божество женскаго рода; замѣчательно, что въ «Словѣ о Св. Евангеліи» ***) имя Мокоши упоминается въ ряду отрѣченныхъ книгъ: «И вѣровати въ лживыя писанія и еллинскія книги, въ баснотворья, и въ встрѣчу, и въ Мокошь, и въ сновидѣніе, чары птицъ, въ громникъ и колядникъ и въ весь мартолой проклятый». Ягичъ полагаетъ слово Мокошь за испорченное еврейское Малакія: «і Мокашъ чтутъ і Малакію велми, почитаютъ рѣкущи буыкини». Прежніе нѣмецкіе ученые сравнивали Мокошу съ симитійскимъ грознымъ Молохомъ, но въ послѣднее время являются нѣкоторые признаки русской туземности этого божества, принятого, можетъ быть, въ видѣ уступки народнымъ вѣрованіямъ.

*) Напр. пѣсни объ Орфѣѣ, изданныя Верховичемъ, сказаніе объ ослиныхъ ухахъ Мидаса, перешедшее на края Трояна и сказанія о взятіи Трои и походахъ Александра Македонскаго.

**) Собственно ассирійское названіе Сиріуса, благовѣстителя восхода солнца, почему пѣтель его атрибутъ, а въ Талмудѣ Нергалъ изображается деревяннымъ пѣтухомъ.

***) Лѣтопись русской литературы, 4 т. 106 стр.

въ пантеонъ Кіевскихъ кумировъ, гдѣ оно занимаетъ самое послѣднее мѣсто. Даль въ своихъ пословицахъ приводитъ поговорку: «Богъ не Мокешь чѣмъ нибудъ и утѣшь». Макуша смотритъ за пражей, подобно германской Перхтѣ и нашей Пятницѣ, то сама прядетъ у заснувшей пряхи, то развиваетъ веретено у работающихъ въ праздникъ. Макушѣ подлежитъ не одна пражя, но и шерсть, когда овцы стираютъ другъ у друга и съѣдаютъ свою шерсть, то говорятъ, что Макуша отстригла этотъ клочъ у овцы, а въ ножницахъ, которыми стригутъ овецъ, оставляютъ клочки шерсти для Макуши *).

Послѣ Кіевскихъ кумировъ занимаютъ видное мѣсто въ нашей ееогоніи по значенію, приданному новѣйшими учеными, богъ небснаго свода Сварогъ (Саворогъ), хотя онъ и не встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ, за исключеніемъ Ипатіевской, и то лишь въ помѣщенномъ въ ней отрывкѣ болгарскаго хронографа, который въ свою очередь оказывается переводомъ византійскаго писателя Малалы. Вотъ это мѣсто: «И бысть по потоупѣ и по раздѣленіи языкъ, поча царствовать первое Местромъ отъ рода Хамова, по немъ Еремія, по немъ Θεоста, иже и Соварога нарекоша Егуптяне; царствующю сему Θεостѣ въ Егуптѣ, во время царства его, спадоша клещѣ съ небесѣ, нача ковати оружье, преже бо того палицами и каменіемъ бяхуся. Тѣи же Θεоста законъ женамъ устави за единъ мужъ посягати и ходити говѣючи, а иже прелюбы дѣючи, казнити повелѣваше, сего ради прозвашася богъ Сварогъ; Θεостъ же сій законъ разсыпа и встави единому мужю жену едину имѣти, и женѣ за единъ мужъ посягати, аще ли кто переступитъ, да ввергнуть въ пещь огнену. Сего ради прозваша его Сварогомъ и блажиша его Егуптяне. И посемъ царствова сынъ его, именемъ Солнце, его же наричють Дажьбогъ, семъ тысящъ и 400 и семьдесятъ днѣй, яко быти лѣтома двѣмадесятьма по лунѣ, видяху бо Егуптяне иніи чисти, ови по лунѣ чтяху, а

*) В. Евр. 10 кн. 805 стр.

друзіи.... деньми лѣтъ чтяху, двою бо надесять мѣсяцю число потомъ увѣдаша, отнелѣ же начаша человекѣи данъ давати царемъ». Въ Словѣ же о суетѣриі, напечатанномъ въ описаніи рукописей Румянцевскаго музея, и на которую мы еще будемъ имѣть случай сослаться, читаемъ между прочимъ: «Огневи молятся, зовутъ его Сварожищемъ». Наконецъ, въ латинской хроникѣ Дитмара, епископа Мерзебургскаго, при описаніи капища Редерянскаго города, названнаго имъ Радегастомъ, упоминаетъ онъ главнаго идола сего храма именемъ Zuarasici, Svarazi же имя встрѣчается также въ посланіи Св. Бруно своему брату императору Генриху II, въ квинтлинской сатѣ божество это названо Svaraviz.

Знаюкъ языка и древности славянской, знаменитый Шафарикъ, не преминулъ признать Сварога Ипатіевской лѣтописи и Суаразица Дитмара за одно и тоже божество неба или небснаго свода отъ санскритскаго корня var—обнимать и svar—небо; въ славянскихъ нарѣчіяхъ отыскивается одно единственное выраженіе, соотвѣтствующее этой формѣ, въ старо-чешскомъ Suor—своръ по Mater Verborum—Зодій.

Въ русской ученой литературѣ появленіе Сварога породило цѣлую новую систему генеалогіи славянскихъ боговъ, которая при авторитетѣ именъ Срезневскаго и Соловьева, перешла нынѣ и въ наши учебники, какъ неоспоримая аксіома, что Дажьбогъ и западный Радегастъ и Перунъ, какъ богъ небснаго огня-молніи, всѣ трое дѣти небснаго свода Сварога и носили общее прозваніе Сварожичей. Шаткость всей этой системы очевидна. Семейные узы возможны только при свободной индивидуальной жизни боговъ, до которой никогда не успѣла развиваться славянская міеологія, почему выраженіе: отецъ, сынъ, мать или сестра являются въ нашихъ міеахъ чисто риторическими тропами, къ которымъ относятся и всѣ подобныя метафорическія выраженія, такъ часто употребляемыя авторомъ Слова о полку Игоревѣ; если обратимся къ главной основѣ всей системы, т. е. къ греческому тексту Малалы, то увидимъ, что

тутъ дѣло идетъ собственно о Египтѣ, гдѣ изобрѣтателемъ земнаго огня считается Фта, слившійся въ греческой мифологіи съ небеснымъ ковачемъ Гефестомъ, сковавшій молніе для Зевса. Ни Фта, ни греческій Гефестъ, ни Вулканъ латинскаго текста Малалы не были отцами Sol Гелиоса или Аполлона и никто не вздумаетъ доказывать подобное предположеніе по словамъ Малалы: «Post mortem Vulcani regnavit ad Aegyptum filius ejus Sol (по гречески Гелиосъ), Sol vero Vulcani filius». Теорія о Сварожичахъ возбуждаетъ еще любопытный вопросъ: существовало ли въ дохристіанской Руси патронимальное названіе сына по отцу—отчество? Рюрикъ, Олегъ, Аскольдъ и Диръ встрѣчаются въ лѣтописяхъ безъ всякаго отчества; не происходитъ ли поэтому такой обычай отъ высокаго христіанскаго значенія имени, даннаго въ честь ангела хранителя при крещеніи? Этотъ обычай встрѣчается на западѣ въ первые вѣка христіанства и даже первые римскіе папы вмѣсто фамильныхъ прозвищъ позднѣйшихъ временъ, обозначаются только крестнымъ именемъ отца такого-то filius. В. С. Миллеръ, а до него князь Оболенскій, въ Введеніи его къ Періяславско-Суздальской лѣтописи *), приписываютъ вставки къ чужеземнымъ именамъ греческаго текста при переводѣ славянскихъ объяснительныхъ именъ Сварога и Джьбога болгарскому хронографу, изъ котораго почерпнуты свѣдѣнія русскаго лѣтописца. Ягичъ **) напротивъ полагаетъ, что эти имена приписаны сѣверной Россіи, какому-нибудь ученому новгородскому монаху, къ которому прямо относитъ изобрѣтеніе имени Сварога, какъ объяснительное прозвище Феоста по его дѣяніямъ. Дѣйствительно, 2 раза въ текстѣ говорится, что онъ былъ названъ Сварогомъ во 1-хъ за то, что началъ ковать оружіе, а во 2-хъ за то, что установилъ законъ о бракѣ. Сварить, сваривать употребляется у насъ

*) В. С. Миллера взглядъ на Слово о полку Игоревѣ 73 стр. и Временникъ 51 года.

**) Jagic Archiv Slav. Philologie 4 ч. 3 кн. 412 стр.

въ смыслѣ ковать, а сварщикъ въ смыслѣ кузнеца, а свадьбы, какъ нравственныя цѣпи, связывающія супруговъ между собою, куются по нашимъ народнымъ воззрѣніямъ мифическимъ ковачемъ Козьма—Демьяномъ, какъ говорится у насъ—сковать свадьбу, а въ бѣлорусской пѣснѣ прямо поется: «А святы Кузьма и Дзимьянъ, скуй намъ свадьбку!» *) Отсюда и областныя выраженія (новгородскія) сварьба, сваребный, вмѣсто свадьба и свадебный, почему Ягичъ и въ Сварогѣ видитъ только синонимъ сварщика, кузнеца. Если допустить подобную гипотезу, то не трудно будетъ въ прозваніи огня Сварожичемъ видѣть простую метафору духовнаго проповѣдника, знакомаго и съ русскимъ текстомъ Малалы и съ общимъ значеніемъ Вулкана, какъ ковальщика и бога огня. Такимъ образомъ изъ всей теоріи о Сварогѣ и его сыновьяхъ остается намъ только одно положительное свѣдѣніе Дитмара и Св. Бруно о существованіи у балтійскихъ Славянъ кумира Суаразица, не имѣющаго ничего общаго съ нашими русскими преданіями. Переходя теперь къ духовнымъ поученіямъ, упоминающимъ о языческихъ вѣрованіяхъ, мы приведемъ здѣсь сначала самый отрывочный текстъ этихъ поученій, означая ихъ номерами, чтобы въ послѣдствіи ссылаясь на нихъ, не повторять заглавій упомянутыхъ источниковъ.

Главные подробности находятся въ особенности въ 3-хъ поученіяхъ: 2-хъ апокрифахъ Іоанна Златоуста, Григорія Богослова и въ Словѣ нѣкоего Христолюбца, найденныя въ нѣсколькихъ спискахъ. Эти поученія написаны какъ-будто однимъ перомъ, по сходству повторяющихся въ нихъ именъ и свѣдѣній, что ясно указываетъ на какой-то древнѣйшій, имъ всѣмъ общій, но намъ еще неизвѣстный, источникъ. Отъ всѣхъ этихъ текстовъ вѣдетъ одинакій духъ не русской народности, а совсѣмъ чуждой ученой начитанности. Самыя историческія данныя нашихъ лѣтописей имѣли весьма слабое вліяніе на это сочиненіе, вліяніе, ограничивающееся внесеніемъ именъ

*) Очерки арійской мифологіи, В. Миллера 244—280.

киевскихъ боговъ, въ зараннѣ готовые тексты, безъ всякихъ особыхъ къ нимъ комментаріевъ. Какъ позднѣйшія вставки эти имена вездѣ неразлучно упоминаются вмѣстѣ одинъ за другимъ въ началѣ или концѣ исчисленія кумировъ. Дажьбогъ и Стрибогъ обыкновенно выкидываются изъ этихъ списковъ, вѣроятно изъ благоговѣйнаго страха всеу употреблѣть настоящее имя Господне при прозвищахъ поганныхъ идоловъ, единственное исключеніе составляетъ слово Іоанна Златоуста, гдѣ эти божества названы Дажба и Стриба и такимъ сокращеніемъ избѣгнуты напрасныя упоминанія истиннаго Бога.

Про Волоса, которымъ клялись наши княжескія дружины, ничего не знаютъ наши духовныя поученія, что еще болѣе утверждаетъ насъ въ туземности русскаго скотьяго бога. Перунъ въ одномъ изъ текстовъ (№ 2) принимаетъ югославянскую форму Перена, Хорсъ встрѣчается съ орхографіею Хоурса (№ 2), еще болѣе сближающей его съ иранскими названіями солнца. Симаргла пишется постоянно въ два слова, по писанію Архангелогородской лѣтописи, а Мокоша встрѣчается въ формѣ Макоша. Сколько можемъ судить объ общемъ взглядѣ нашихъ духовныхъ проповѣдниковъ на повѣрья, обычаи и увеселенія нашего народа, они все языческое и боготерзское считали занесеннымъ къ намъ Халдеями, Египтянами и окаянными Еллинами. Судя по многимъ упомянутымъ подробностямъ въ этихъ текстахъ въ особенности по тѣмъ, которыя, по своей гнусности, мы здѣсь совершенно пропускаемъ, принадлежать болѣею частью къ обрядамъ и вѣрованіямъ симитійскимъ, съ которыми наши духовные писатели чаще сталкивались въ Вѣтхомъ Завѣтѣ, почему всѣ эти подробности принадлежать скорѣе ученіямъ Талмуда и халдейской астрологіи, впрочемъ путаница въ міеологическихъ познаніяхъ нашихъ духовныхъ писателей очевидна, когда финикійскаго Ваала сближаютъ съ египетскимъ Озирисомъ, а Дію (Зевсъ) критскому окаянному учителю въ параллель ставятъ Магомета, проклятаго срацинскаго жреца.

І. Слово Св. Григорія Богослова, заимствованное изъ толкованій его о томъ, како прежде язычницы, погани суще, кланялися идоломъ и жертвы приносили имъ, иже и нынѣ мнози творять. (Лѣтопись Рус. Лит. Тихонравова. Т. IV. Слова и поученія направленные противъ идолопоклонства). «Видите ли сію окаливую и скверную службу, устраиваемую скверными язычниками! Окаяннѣ еллина, изобрѣтеныя наученіемъ діавола и внушеніемъ темнаго бѣса (приносяще) блудныя жертвы, кощунствъ злымъ кладомыя требы; зловѣрніи, почитая суету истинною, служатъ и кланяются идоломъ, исполняя нѣкое бѣсовское ухищреніе. Мы же, чада, сихъ нечестивыхъ жертвъ отめщемся: служенія Дію и принесенія жертвъ ему, критскаго окаяннаго учителя, и Магомета проклятаго срацинскаго жреца, еллинскія любви бубеннаго игранія, свирѣльныхъ звуковъ, плясанія сатавина, фряжскихъ собраній, гуслей, музыки, праздника Ирѣ, егда челоуѣцы бѣсѣтся принося жертвы матери бѣсовстей Афротидѣ богинѣ, Корунѣ (Коруна же будетъ и Антихриста мати) и Артемидѣ, проклятой Діониссіи, и (Діонису), почитаютъ яко бога фивейское безумное пѣяство, и Семелино жертвоприношеніе грому и молоніи и Вилу богу вавилонскому, его же разби пророкъ Даниилъ, тѣмъ же богамъ поклоняются и жертвы приносятъ: 1) Словенскій же языкъ (жертвы приносятъ) Виламъ и Мокоши, Дивѣ, Перуну, Хорсу, роду и рожаницамъ, упыремъ и берегинямъ, и переплуту, и вертящеся пѣютъ ему въ розѣхъ и огневи — скварожичу поклоненіе и молитву творять, изъ тѣста дѣлаютъ мосты и иныя многія суевѣрія; таврская отъ первенецъ дѣторѣзанія на жертву идоломъ, лаковская идоложертвенная кровь истекаетъ ранами, тою окропляются и мажутъ ею богиню Екатию и почитаютъ еѣ дѣвою, также почитаютъ Мокошъ и кылу... пелопова темное мясотвореніе, насыщающее алчныхъ боговъ, волхвованіе Дельфійскаго трипода, кастальское питье почитая божественнымъ; вѣрятъ волхвованію и волшебнымъ заговорамъ въ наузы смрадныя (талисманъ) и халдейской астрономіи, родопо-

читанію, фряжскіе сны и чары, встрѣчи и орфеновы скверныя басни къ сему же и кошуны, митрофа мука почитается праведною и рожденіе проклятаго Осиріда, мати бо его рождающе сотворила богомъ себѣ и начаша приносить ему окаянніи, сильныя требы; отъ тѣхъ же древле научишися Халдеи, по примѣру того проклятаго Осиріда начаша поклонятися и жертвы приносить роду и рожаницѣ; отсюда Еллины научишася жертвы приносить Артемиду и Артемидѣ, роду и рожаницамъ, а также Египтяне (такъ же Римляне) и даже и до Словенъ дойде; и Славяни начаша требы класти прежде еще Перуна бога, роду и рожаницамъ, а до того приносили жертвы ушыремъ и берегинямъ (русалкамъ). По святомъ крещеніи, отринувши Перуна увѣровали въ Христа Бога, но и нынѣ по окраинамъ молятся еще проклятому богу Перуну, Хорсу, Мокоши и Виламъ, но то творять тайно, и доселѣ не могутъ лишиться проклятаго обычая привесенія трапезъ, нарицаемыхъ роду и рожаницамъ, на великую предель вѣрнымъ христіаномъ, на хулу св. крещенію и на гнѣвъ Божій. По св. крещеніи попове, работая чреву, уставивши употреблять тропарь Богородицы при трапезѣ въ честь рожаницы, собирая оклады; таковыи нарицаются кармогузцы, а не раби Божіи. Паки же еще египтяне чтутъ и жертвы приносятъ рѣцѣ Нилѣ и огневи, рекуще, яко Нилъ есть податель плодовъ и раститель класовъ, а огонь, при созрѣваніи класовъ приноситъ спорыню; того ради, окаянніи чтутъ полнолуіе и кланяются обратившись на западъ. Повѣсть о сихъ (заблужденіяхъ) велика есть, мы же, лѣности ради, мало написахомъ.

II. Слово Св. Отца нашего Іоанна Златоустаго (Тамъ же).

Человѣци забывше по небрежности страхъ Божій и отвергошася крещенія, приступивши къ идоломъ и начаша поклонятися молніи и грому, солнцу и лунѣ. А другіи: Перуну, Хорсу, Виламъ и Мокоши, ушыремъ и берегинямъ, ихъ же нарицають тридесять сестреницъ; а инии въ Скварожица вѣрують и въ Артемида и имъ

невѣжды человѣцы молятся и куръ имъ рѣжутъ, а инымъ потопляются въ водѣ, друзіи же молятся ко кладяземъ приходяще и въ воду мечуть, приносяще жертву Веліару; а друзіи огню, камнямъ, источникамъ, рѣкамъ, берегинямъ и дровамъ....

Мнящеся христіане, а погански дѣла творять, и различныя суевѣрія; мосты и просвѣты и бдѣльники и черезъ огонь скачутъ. Въ баняхъ чары творять и пепелъ посредѣ сыплють и наговариваютъ надъ мясомъ и молокомъ, масломъ и яицами и вся потребная бѣсомъ; льютъ въ баняхъ на печь и велятъ имъ мыться и вѣшаютъ рубашки и полотенца въ мыльницѣ.... А друзіи вѣрують въ Стрибога и Дажьбога, и Переплута и вертятся піють ему въ розѣхъ....

Каковы же христіане, егда слушаютъ еллинскія шутки, жидовскія басни, почитаютъ рожденіе и вліаніе звѣздъ, голоса птицъ и волхвованія, значеніе дней, лѣтъ и словъ и надъ источниками вжигаютъ свѣщи и ядятъ: идоложертвенное, кровь и удушенію и заѣденное звѣрями и заклеванное птицами.

III. Слово нѣкоего Христолюбца. (Тамъ же и въ Описаніи Румянцевскаго музея 228 стр.)

Тако ли не мога терпѣти крестьянъ во двоевѣрныхъ живущими, иже суть крестьянъ вѣрующе вперуна и вхорса и въ мокошь и въ сима и въ рѣгла и въ вилы иже числомъ тридевятъ сестреницъ, глаголятъ окаянныи невѣгласы то все мнятъ богы и богынями и тако покладываютъ имъ требы и короваи имъ ломать и куры имъ рѣжутъ и огневи молятся, зовутъ его сварожицемъ и чесновитокъ богомъ же творять, егда же будто у кого пиръ, тогда же кладутъ въ ведра и въ чаши и тако піють о долѣхъ своихъ.... Ставятъ трапезу рожаницамъ, молятся короваемъ, виламъ и огневи и прочее ихъ проклятво....

Неподобаетъ крестьяномъ игоръ бесовскихъ, играти иже есть плясба, гудьба, пѣсни бѣсовскыя и жертва идольская, иже огневи молятся подъ овиномъ и Виламъ

и Мокоши и Симу и Реглу и Перуну и (Хорсу) и Роду и Рожаницамъ и всѣмъ тѣмъ иже суть имъ подобна....

Не тако же зѣло створимъ просто, не смѣшаемъ чистыя молитвы съ проклятымъ моленіемъ идольскимъ иже ставятъ липше кумирамъ трапезы котѣйныя и законнаго обѣда, иже нарицается беззаконная трапеза мѣнная Роду и Рожаницамъ.

IV. Слово Св. Іоанна Златоустаго. (Изъ сборника Болотова).

Уклоняйся молящихъ человѣкъ Роду и Рожаницамъ порену и аполину, и мокоши, и берегини, и всакимъ богамъ и требамъ мерзкимъ не приближайся....

V. Изъ Вопросаній Кирикъ.

А же се Роду и Рожаницѣмъ кроятъ хлѣбы и сыры и медъ (пьютъ) Бороняше вельма: горе пьющемъ Рожаницѣ.

VI. Изъ Парамейника. (Ст. Срезневскаго „О рожаницѣ“ Архивъ Калачева, кн. 2).

Готовяще роду трапезу и исполняюще рожаницамъ питіе смѣшно.

VII. Изъ Цвѣтника Востокова.

Съ робятъ первыя волосы стригутъ и бабы каши варятъ на собраніе рожаницамъ.

VIII. Вставка XI вѣка къ слову Григорія Бого- слова.

Овъ Дыю жьретъ, а други Дивии; требу кладуть.... Дивѣ (жен. форм.), Перуну, Хорсу.

IX. Апокрифическая рукопись XII вѣка. Хожденіе по мукамъ (см. Аѳанасьева, Поэт. Возр. томъ 2-й, стр. 642).

Но забыша Бога и.... юже ны тварь Богъ на работу сотворилъ—то они все боги прозваша: солнце и мѣсяцъ, землю и воду, звѣри и гады.... отъ камня ту устроя Трояна, Хърса, Велеса, Перуна.

X. Толстовскій сборникъ XVI вѣка.

И да быша разумѣли мнози члѣовѣци, и въ прѣльсть велику не видятъ, мняще боги многи: Перуна и Хорса, Дыя и Трояна.

Къ этимъ выпискамъ изъ духовныхъ поученій слѣдуетъ еще прибавить извѣстныя мѣста изъ Слова о полку Игоревѣ, мѣста, касающіяся славянскихъ боговъ: Хорса, Дажьбога, Трояна, Дива и Велеса.

Родъ и Рожаницы.—Всего болѣе всѣ эти тексты указываютъ на божества: Рода и Рожаницъ. Слово св. Григорія № 1-й ведетъ поклоненіе этимъ божествамъ отъ матери Озираса, которому она принесла жертвы, какъ богу. По примѣру проклятаго Озираса научились и Халдеи поклоняться Роду и Рожаницѣ; отсюда Еллины научились жертвы приносить Артемиду и Артемидѣ т. е. Роду и Рожаницамъ, а также и Египтяне и Римляне и до Словянъ дошло и Словяне начали требы класть, еще прежде Перуна, Рода и Рожаницъ.

Очевидно, что въ глазахъ нашихъ писателей, Родъ представляетъ собой элементъ мужскаго оплодотворенія, а Рожаница соотвѣтствовала женской производительности, на что безъ сомнѣнія указываетъ смыслъ этихъ самыхъ именъ. Тѣмъ не менѣе можно почти положительно сказать, что эти имена заимствованы не изъ народныхъ русскихъ источниковъ. Всѣ наши тексты главнымъ образомъ указываютъ на столь глубоко по видимому вкоренившійся въ народъ обычай дѣлать трапезы въ честь Рода и Рожаницъ, а между тѣмъ, ни въ одномъ праздничномъ обрядѣ или суевѣрномъ причтаніи, не сохранились до насъ ихъ имена. У хорутанскихъ словянъ до сихъ поръ существуетъ повѣріе, что каждый человѣкъ при рожденіи получаетъ на небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою роженицу (духа хранителя). Такъ дѣвы, въ числѣ двухъ или трехъ, входятъ въ избу къ родившемуся младенцу и опредѣляютъ его судьбу.

У Хорутанъ верхнекрайнихъ зовутся онѣ деками или бѣлыми, чистыми женами или дѣвами, у Болгаръ—орисвицами, въ другихъ же мѣстностяхъ югославянской окраины онѣ извѣстны подъ именами—живицъ и содицъ или судицъ.

Въ Македоніи родильницы рассказываютъ, какъ

видѣли ихъ у своей постели,—одна изъ нихъ мѣрила нить, другая её рѣзала. (Отголосокъ древнихъ Паркъ). Всему человѣчеству присуща вѣра въ генія-хранителя, счастливую звѣзду, фортуна, судьбу или долю и связанные съ этими понятіями обычныя гаданья, ворожбы, предсказанія, пожеланія и поздравленія. Миеологическія представленія этой общей идеи—судьбы до того у всѣхъ народовъ развѣтвлены, и между собой перепутаны въ своихъ мѣстныхъ оттѣнкахъ, что конечно не по силамъ было нашимъ духовнымъ писателямъ старины разобраться между столькими различными повѣртіями и преданіями. Гораздо проще оказалось взять изъ какихъ нибудь книжныхъ источниковъ одинъ фактъ трапезы въ честь Рожаницъ, а все, что доходило до нихъ изъ народныхъ обрядовъ, подходящаго или напоминающаго эти трапезы, прямо подводить подъ общій знаменатель Рода—Рожаницъ, ни мало не заботясь о томъ, какое названіе и значеніе самъ народъ придаетъ своимъ суевѣртіямъ.

Инокіи, писавшіе наши поученія, не допускали никакихъ праздниковъ, кромѣ церковныхъ и проводили ихъ въ богослужебныхъ молитвахъ, веселья же, гульбища и пиршества мірянъ клеймили они незаконными, вторыми трапезами Рода и Рожаницы, считая первой и единственной трапезой безкровную жертву православной общины (сравни слово община) и сѣтовали на то, что поминальные (кутейные) обѣды также часто переходили въ тѣ же незаконныя трапезы, на которыя заготавливались разные хлѣба, короваи, сыры и медъ. «Рѣжутъ куры, короваи ломаютъ и пьютъ о долѣ своей». Здѣсь очевидно дѣло идетъ о здравницахъ и поздравленіяхъ, которыя почитались монахами въ ихъ духовномъ рвеніи за великій грѣхъ, почему восклицаютъ, сѣтуя на эти мірскія пирушки: «горе пьющему рожаницѣ»!

О Рожаницахъ встрѣчаемъ мы въ нашихъ старыхъ Азбуковникахъ нѣсколько любопытныхъ объясненій, очевидно иноземнаго происхожденія, средневѣковыхъ суевѣрій—о вліяніи планетъ и дня рожденія на судьбу и

характеръ человѣка *). «Рожаницы—кумиры еллинстїи, ихъ же погани омовеніемъ рожденія нарицаху быти, въ кой-же день кто родится, той нравъ и осудъ приимлетъ», или еще: «Рожаницами еллинстїе наричуть «звѣздословцы седмъ звѣздъ, глаголемыхъ планиты».

Здѣсь Азбуковники нисколько даже не думаютъ называть эти средневѣковыя суевѣрія Славянамъ; правда, еще по нашимъ народнымъ повѣртіямъ существуетъ книга рожаника, гдѣ записана судьба каждого родившагося и рождественныя волхвованія, имѣющія почти тотъ же смыслъ **), но все наше чарокиниже принадлежитъ гораздо позднѣйшей чисто-христіанской эпохѣ и до туземной миеологіи вовсе не касается.

Остается еще упомянуть довольно загадочный текстъ о Родѣ, давшій право г. Буслаеву отождествить его съ Перуномъ. Родъ представляется мѣстическимъ существомъ: «сидя на воздухѣ (онъ) мечетъ на землю груды, а въ томъ рождаются дѣти». Въ словѣ же Данила Заточника говорится, что дѣти бѣгаютъ Рода, что даетъ поводъ проф. Соловьеву, видя въ Родѣ привидѣніе, сравнить его съ домовымъ, какъ предка родоначальника семьи.

Упыри, Березини и Вилы.—Составитель Слова Св. Григорія Богослова № 1, дѣлитъ славянское язычество на три эпохи, древнѣйшую, изъ которыхъ онъ обозначаетъ поклоненіемъ Упыремъ и Березинемъ, т. е. иначе говоря—туземнымъ народнымъ божествамъ. Не медленно за этими именами указываетъ онъ и на мѣстность украинны: «и понынь по украинамъ молятся проклятому и пр...» И дѣйствительно въ настоящее время въ Бѣлоруссіи и Украинѣ болѣе всего распространены повѣртія объ Упырехъ, какъ мертвецовъ, встающихъ по ночамъ изъ гроба и высасывающихъ кровь у спящихъ людей, но у Сербовъ и другихъ южныхъ Славянъ

*) Сахарова, Сказанія 2 ч. Азбуковника и Словарь Алексѣева ч. 4 стр. 33.

**) Архивъ Калачева 2 кн. статья Срезневскаго.

это существо называется Вампиромъ. Это единственно исключеніе, въ которомъ наши духовные тексты касаются мѣстныхъ народныхъ повѣрій, почему мы въ правѣ также причесть Берегинь къ туземнымъ украинскимъ суевѣріямъ. Берегини, по коренному смыслу своему, *) горныя и водяныя Нимфы, подобны нашимъ русалкамъ и сербскимъ Виламъ. Тожество послѣднихъ съ Берегинями доказывается въ нашихъ текстахъ еще тѣмъ, что во второмъ текстѣ авторъ прибавляетъ о нихъ объясненіе: «ихъ же нарицають тридесять сестреницъ». Когда въ Словѣ нѣкоего Христолюбца (№ 3) встрѣчается тоже объясненіе относительно виль: «ихъ же числомъ тридесять **) сестреницъ, глаголять окайные невеличкіи». Упоминаніе сербскихъ Виль въ нашихъ текстахъ вслѣдъ за киевскими кумирами, прямо указываетъ на непосредственное вліяніе югославянской письменности.

Въ Словѣ св. Григорія въ одномъ мѣстѣ слово Виль употреблено въ единственномъ числѣ (Перуну, Хорсу, Мокоши, и Вилу), когда нѣсколько строчекъ выше сказано: «славянскій же языкъ жертвы приноситъ Виламъ Мокоши, Дивѣ, Перуну и пр.», такъ что это вѣроятно можно считать за простую ошибку переписчиковъ. Хотя съ другой стороны въ томъ же текстѣ подъ словомъ Виль (въ един. числѣ) понимается симитійскій Вааль: «бога вавилонскаго его же разби пророкъ Даніиль», что подтверждается Памвдой-Бериндой: «Виль—стародавній, стекачій, летячій болванъ вавилонскій.»

Г Огонь.—Три первые текста единодушно указываютъ на какое-то стихійное поклоненіе огню, напоминающее послѣдователей Зороастра и огнепоклонниковъ храма въ городѣ Баку и, конечно, можно смѣло сказать, что у Славянъ никогда подобнаго обоготворенія

*) Брегъ—берегъ, нѣмецкое Berg (гора) и областное выраженіе ѣхать горой въ смыслѣ ѣхать по берегу рѣки; берегъ всегда представляетъ возвышенность сравнительно съ поверхностью воды.

**) Въ другомъ мѣстѣ встрѣчается тридевать.

огня не существовало и они даже не имѣли особаго божества огня, подобно индійскому Агнись. Что же касается моленія огню подъ овиномъ, если согласиться съ объясненіемъ проф. Буслаева, что овинъ, не что иное, какъ простая домашняя печь (ср. нѣмецкое ofen). Въ этихъ словахъ можно видѣть намекъ на сербскіе и югославянскіе обряды бодняго вечера (канунъ Р. Х.), гдѣ на горячаго въ печи деревяннаго бодняка льютъ масло, вино и осыпаютъ его хлѣбными зернами. Названіе же огня Сварожичемъ и Скварожичемъ, возвращаетъ насъ на Феостъ—Сварога Малаловскаго перевода и Египетскаго Фта. Въ славянскомъ же переводѣ Амартола читаемъ: «Боги Египтени первѣе солнце и луна нарекоша убо солнце—Осиринъ, луну же Изинъ и огонь убо Иеоста», а въ текстѣ № 1 читаемъ: «Егуптяне клали требы Нилу и Огневи». Не слышится ли во всемъ этомъ одно общее византійское сказаніе о священномъ значеніи огня у Египтянъ, случайно занесенное нашими духовными писателями въ область славянскихъ вѣрованій.

Въ 4 текстѣ вѣдетъ какъ-то латиногерманскимъ вліяніемъ: вмѣсто Перуна является болѣе западная форма Порена, напоминающая Поренуча и Перевита балтійскихъ племенъ. Вмѣсто Хорса оставлено имя Аполлона (Аполина) латинскаго источника, а чисто славянское имя Берегинь переводится подъ нѣмецкимъ перомъ въ Перегинь.

Артемидъ и Переплутъ.—Въ нашемъ 2 текстѣ между славянскими богами замѣнилось, вѣроятно ошибочно, заимствованное изъ текста № 1, мужское божество Артемидъ, божество впрочемъ отдѣльное отъ киевскихъ кумировъ: «а иніи въ Скварожица вѣрують и въ Артемида»; но труднѣе объяснить появленіе въ нашихъ текстахъ (№№ 1 и 2) божества Переплута: «иже вертячеса ему пьють въ розѣхъ». Наши ученые изслѣдователи болѣею частію старались обойти его молчаніемъ, не умѣя объяснить его значенія и мы по ихъ призыву удержимся отъ всякаго личнаго предположенія о

немъ, только едва-ли можно видѣть въ Переплутѣ шуточное прозвище, данное нашими духовными писателями какому нибудь языческому божеству, такъ какъ они слишкомъ гнѣвно относились ко всѣмъ остаткамъ язычества, какъ къ проявленіямъ нечистой силы сатаны, чтобы просто глумиться надъ ними.

Дій, Дый и Дивъ, встрѣчающіеся въ текстахъ № 1, 8, 9, 10 и въ Словѣ о полку Игоревѣ, считаются за одно и тоже мифическое существо, но не смотря на ихъ общее коренное значеніе, они все же въ нашихъ текстахъ имѣютъ различный смыслъ: Дый или Діи, собственно говоря, прозваніе верховнаго божества и бога вообще, Deos, Θεος и Zeus (зевсъ) латышскій Девсъ, литовскій Девасъ, богъ и германскій Teut, по Азбуковникамъ, Дій Еллиевскій богъ, у Беринды Dios Zeus, въ нашемъ 1-мъ текстѣ служеніе Дію, въ смыслѣ Юпитера, а дальше Виламъ, Мокосъ, Дивъ, Перуну, въ смыслѣ славянскаго божества, которое встрѣчается въ текстахъ 8 и 10, гдѣ Дый, Дивіи и Дивъ (жен. фор.), какъ будто носятъ на себѣ отдѣльный смыслъ, первое, какъ верховное божество, которому жертвы приносятъ, а Дивъ на ряду съ Перуномъ и Хорсомъ. Въ Словѣ о полку Игоревѣ: «Дивъ кличетъ върху древа велитъ послушати земли не знаемъ». «Уже снесся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, ужъ вържеся Дивъ на землю». Здѣсь очевидно Дивъ принимаетъ мифологическій зловѣщій характеръ, проявляющійся, можетъ быть, въ зооморфической формѣ ночной птицы удода, какъ объяснилъ его Дубенскій. У Сербовъ и южныхъ Славянъ встрѣчаются злые духи Дивы, живущіе на Дивской горѣ, съ ними часто бьются богатыри и болгарская загадка объясняетъ бурные вихри дракой Дивъ между собой. Само дивы же существа въ родѣ Виль, но съ зловреднымъ человѣку характеромъ; Дивіи люди безобразныя чудовища, покоренныя Ал. Македонскимъ и у насъ на русскомъ языкѣ самое слово диво, какъ чудо, имѣетъ иногда значеніе совершенно обратное дивному, чудному, какъ чудовище морское, диво, чудо-юдо, диво-юдо.

Троянъ.—Колыбель славянскаго Трояна безспорно берега Дуная, гдѣ на сотню верстъ тянется извѣстный трояновскій валъ. Къ имени града Трояна и приурочиваютъ Болгары легенду о змѣебитвѣ св. Георгія; въ Македоніи сказка о кралѣ Троянѣ съ козлиными ушами прямой отголосокъ греческаго царя Мидаса, извѣстнаго своими ослиными ушами, а въ сербской сказкѣ царь Троянъ, боясь солнца, совершалъ свои поѣздки только ночью, но однажды застигнутый нечаянно солнцемъ, стоялъ отъ его горячихъ лучей. Въ румын. нарѣчіяхъ имя Трояна до сихъ поръ сохранилось во многихъ выраженіяхъ: млечный путь зовется путемъ Трояна, зимніе сугробы—снѣгами Трояна, широкое необъятное поле—полемъ Трояна, древніе насыпи и курганы—могилами Трояна *). Подобныя выраженія по своей формѣ совершенно тождественны съ Трояновой Тропой, землей и вѣкомъ Трояна, упомянутыхъ въ Словѣ о полку Игоревѣ и возбуждавшихъ въ нашей ученой литературѣ столько различныхъ догадокъ, толковъ и пререканій, все же въ концѣ концовъ ничего не разъяснившихъ. Самое имя Трояна князь Вяземскій производитъ отъ древней Трои, воспѣтой Гомеромъ; проф. Дриновъ съ большимъ основаніемъ видитъ въ немъ память римскаго императора Трояна, побѣдителя славянскаго населенія Дакии и перебросившаго первый мостъ чрезъ Дунай. Подъ римскимъ игомъ Славяне должны были воздавать божескія почести статуѣ императора Трояна. Другіе же ученые признаютъ за именемъ Трояна самостоятельное славянское происхождение отъ его тройственности, троичности, почему Эрбенъ сравниваетъ и отождествляетъ его съ кумиромъ Штетинскаго Треглава балтійскихъ Славянъ, а Забелинъ видитъ въ немъ представителя трехбратняго рода нашихъ сказокъ и легендъ. Дѣйствительно, замѣчательную роль играетъ въ нашихъ сказкахъ цифра 3, каждое дѣйствіе повторяется трижды и вездѣ встрѣчаются: 3 брата, 3 сестры, 3 змѣи, 3 бабы-Яги, 3 подземныхъ царства

*) В. Евр. 78 г. кн. 11 стр. 355.

и проч., но изъ этого еще нельзя возводить цифру 3 въ божество, тѣмъ болѣе, что эта тройственность встрѣчается и въ нѣмецкихъ сказкахъ и ничѣмъ еще не доказано, что народная любовь къ этой цифрѣ не результатъ христіанскаго вліянія высокаго значенія ея. Впрочемъ югославянскаго Трояна, какъ божество, мы нигдѣ не встрѣчали, кромѣ какъ въ вышеприведенныхъ нашихъ текстахъ 9 и 10.

Велеса привыкли мы считать простымъ варьянтомъ скотьяго бога Волоса; В. Миллеръ почитаетъ его болгарской формой этого божества, но такая существенная разница въ значеніяхъ, приписываемая двумъ этимъ формамъ, едва-ли ихъ можно считать однимъ божествомъ, хотя бы въ зародышѣ своемъ онѣ имѣли одно солирное происхожденіе.

Велесъ богъ солнца и какъ Аполлонъ покровитель поэзіи и пѣснопѣнія, почему и понятна метафора, называющая вѣщаго Бояна его внукомъ. Въ чешской поговоркѣ о смерти «Zaletel nenum za more u Welessu» указывается намъ на страну солнца и вѣчнаго лѣта, лежащую за моремъ за океаномъ, откуда идутъ сѣмена всего живущаго, словомъ царство солнца и блаженства, извѣстное у насъ подъ именемъ Вірія, Ирїя, или острова Буяна нашихъ заговоровъ. Итакъ Велесъ одно изъ многихъ именъ солнца у Славянъ, когда Волосъ является у насъ постоянно лишь скотымъ богомъ перешедшимъ при осѣдлой жизни въ покровителя хлѣбопашества. Въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи существуетъ обычай оставлять при концѣ жатвы кустикъ не срѣзанныхъ колосьевъ Волосу или Волоту (отнюдь не Велесу) на бородку *). Слово Волосъ сокращается въ власъ (какъ голосъ—гласъ, городъ—градъ), почему въ эпоху христіанства отъ языческаго божества Волоса на св. Власія перешло покровительство домашней скотины. Въ Никоновской лѣтописи скотій богъ Волосъ прямо названъ Вла-сіемъ, на образахъ св. Власій пишется окруженный овца-

*) Афанасьева, Поэтическія Воззрѣнія 1 стр. 697.

ми и коровами, день его празднуется 13 февраля, на югѣ выгоняется въ первый разъ скотина и окропляется, какъ и у насъ въ Егорьевъ день, св. водой. Въ Новгородской губерніи существуетъ обычай—въ день св. Власія приносить въ церковь свѣжее коровье масло, называющееся волоснымъ, по областнымъ выраженіямъ—волочай, чѣмъ приправляется кушанье напр. масло, сало, сметана; волочно значить жирно, маслено, волоха—шкура или кожа, волосатый лохматый, наконецъ волокно, войлокъ, волосъ и нѣмецкое Wolle шерсть и самыя имена вола и волоха—всѣ слова, возвращающія насъ къ значенію и названію скотьяго бога Волоса. Въ Новгородѣ церковь св. Власія стояла на Волосовской улицѣ и въ нашихъ лѣтописяхъ самое имя Волоса нерѣдко встрѣчается еще въ XIII вѣкѣ вмѣсто Власія **). Можно также почти утвердительно сказать, что хотя Несторомъ и не упомянуть кумиръ Волоса, онъ вѣроятно находился на кievскомъ холмѣ между другими, такъ какъ Мнихъ Яковъ прямо упоминаетъ о его низверженіи: «А Волоса идола его же имяноваху скотья бога веле (Владимиръ) въ Почайну рѣку вѣвреди».

Имя же Велеса встрѣчается у насъ единственно въ предпоследнемъ текстѣ № 9 болгарскаго происхожденія, въ Словѣ о полку Игоревѣ, да еще въ житіи Авраамія Ростовскаго, сокрушившаго въ Ростовѣ идола Велеса, но здѣсь можно подозрѣвать книжное вліяніе на сочинителя житія, замѣнившее Волоса Велесомъ. Защитники русской туземности нашихъ боговъ въ особенности любятъ ссылаться на случайныя названія селеній и урочищъ, совпадающихъ по звуку своему съ именемъ того или другаго божества, но подобные одиночные случаи едва-ли могутъ служить доказательствами народной памяти о его древнѣйшихъ вѣрованіяхъ. Происхожденіе названій населенныхъ мѣстъ, даже городовъ, вопросъ очень

**) Въ 1229 году встрѣчается имя Волоса Влужинца; одеренъ Волосъ упоминается также въ древней грамотѣ, приведенной въ Исторіи Русской Іерархіи ч. 3 стр. 125.

сложный и еще не затронутый наукой, кроме разных бытовых случайностей. Мѣстный выговоръ и удареніе, областныя выраженія и прозвища до того иногда измѣняютъ первоначальное имя, что нѣтъ возможности добраться до причины и смысла его названія. Но и при первомъ взглядѣ имена селеній: Хорошково, Хороши и Хорошее озеро отнюдь нельзя отнести къ воспоминаніямъ о Хорсѣ точно также, какъ Вельшино, Велешино, Велеши и Вележка, кроме трехъ первоначальныхъ буквъ ничего общаго не имѣютъ съ Велесомъ. «Наконецъ, говоритъ защитникъ туземности Велеса: стоитъ только заглянуть «въ Областной Академическій Словарь» и тамъ можно видѣть, что имя «Велеса» до нынѣ слышится въ живой народной рѣчи. Въ Рязанской губерніи иронически именемъ Велеса называютъ того, кто распоряжается и повелѣваетъ, не имѣя на то права: вишь какой Велесъ!» Но стоитъ также раскрыть второй томъ того же словаря (собственно дополнение къ нему) и на стр. 19 мы встрѣтимъ слово «велець, вельца», въ томъ же смыслѣ, какъ Велесъ (срав. дѣлецъ) и это выраженіе всякому станетъ понятно безъ всякой мѣологической подмоги. Точно тоже можетъ случиться и съ собственными именами селеній при болѣе тщательномъ и обширномъ сравненіи цѣлой группы близкихъ по звуку другъ отъ друга именъ.

Нельзя намъ, наконецъ, не упомянуть имена кумировъ, исчисленныхъ между Перуномъ и Ахметомъ въ сказаніи о Мамаевскомъ побоищѣ въ Рус. Нар. Сказан. Сахарова, напечатанномъ съ рукописи XVI вѣка: «Мамай же даръ... нача призывати боги свои—Перуна, Савана, Тамакоша, Раклія, Гурса и великаго своего помощника Ахмета». Гурса почитаетъ г. Соколовъ за Хорса на томъ основаніи, что Гурко собственно Курко или Куркосъ литовское божество зимняго солнца, по Нарбуту, отождествляемое чехонѣмцами мѣологами съ русскимъ Хорсомъ.

Ракли—видимое сокращеніе греческаго Гераклія или Ираклія—поставлено, пожалуй, тутъ вмѣсто Реглы,

а Тамакоша вмѣсто Мокоши Несторовскаго списка. Остается еще вслѣдъ за Перуномъ имя Саваны, какъ бы занявшаго въ этомъ перечнѣ мѣсто нашего Дажьбога. Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ сказанія о побоищѣ не имѣлъ никакого понятія, ни о санскритѣ, ни объ индѣйской мѣологіи, откуда взялъ онъ своего Савана, намъ рѣшительно неизвѣстно, а между тѣмъ по странной случайности Сава и Савана синонимы санскритскаго бога Савитара. *Savitar soliel avec ses synonymes sava, savana, sura* *).

Мы, конечно, изъ этого совпаденія не будемъ выводить никакого заключенія, но не можемъ не припомнить, что и знакомство наше съ Сварогомъ основано на одномъ только переводѣ болгарскаго хронографа и подтверждается и объясняется единственно нашими мѣологами его санскритскимъ словопроизводствомъ. Будь Слово о Мамаевомъ побоищѣ болѣе древняго происхожденія, то и Савану приняли бы въ число нашихъ солярныхъ боговъ на основаніи его санскритскаго словопроизводства.

Бда—идоложертвенное и крови и удушеннаго, задушеннаго звѣремъ и заклеваннаго птицами.—Смѣшанныя питія съ чеснокомъ, котораго клали въ ведра и чаши.—Постройка мостовъ изъ тѣста.—Обрѣзаніе съ ребятишекъ первыхъ волосъ въ честь роженицы. Просвѣты и бдѣльники.—Зажиганіе свѣчей надъ источниками. Развѣшиваніе рубахъ и полотенецъ въ мыльницѣ и посыпка бани пепломъ.—Наговоры надъ мясомъ, молокомъ и яйцами. Метаніе въ воду въ честь Веліара.

Вотъ почти всѣ скудныя свѣдѣнія нашихъ проповѣдниковъ о суевѣрныхъ обрядахъ нашей народной старины, а между тѣмъ ни одного изъ этихъ указаній нельзя отыскать въ обычаяхъ и предразсудкахъ живущимъ до нынѣ въ нашемъ сельскомъ населеніи, такъ что невольно приходишь къ убѣжденію, что эти немногія по-

*) Pictet Orig. Indo-Europ. III стр. 433.

дробности нашихъ текстовъ, взяты не изъ фактической дѣйствительности русскаго быта, но изъ иноземныхъ книжныхъ разсказовъ. Существуетъ у насъ, правда, святочное гаданье, называемое мостами: дѣвушки, лежа съ спать, ставятъ подъ кровать тарелку съ водой и сверхъ тарелки кладется щепка или соломенка въ видѣ моста, чрезъ который долженъ проѣхать суженый-ряженный и явиться дѣвушкѣ во снѣ, но въ текстахъ сказано, что мосты дѣлаются изъ тѣста и не можетъ быть, чтобы изъ всѣхъ святочныхъ гаданій только это одно поразило такъ нашихъ духовныхъ отцовъ своимъ языческимъ характеромъ. Весьма любопытно было бы изслѣдовать, откуда заимствованы и у какихъ народовъ встрѣчаются различные обычаи и суевѣрія, описанные нашими текстами, что вѣроятно и указало бы намъ, гдѣ именно искать первобытный источникъ всѣхъ нашихъ словъ и поученій, направленныхъ противъ остатковъ язычества въ Россіи. Со вставкой въ Густинской лѣтописи, разсужденія, подъ заглавіемъ о идолахъ Руссовъ, начинается псевдонаучное толкованіе русской міеологіи подъ непосредственнымъ вліяніемъ Запада, польскихъ хрониковъ и нѣмецкихъ ученыхъ. Полное незнаніе и игнорированіе всего роднаго съ безусловнымъ довѣріемъ ко всему печатному на нѣмецкомъ языкѣ, вотъ главный характеръ этой грустной эпохи нашихъ первыхъ шаговъ на почвѣ міеологическихъ изслѣдованій. И не стоило бы говорить объ этой давно забытой міеологіи нѣмецкихъ фоліантовъ двухъ прошлыхъ столѣтій, если бы не представлялся здѣсь самый наглядный примѣръ, какъ легко прививались у насъ безъ всякой критической оцѣнки самыя нелѣпыя чужеземныя выдумки и фальсификаціи. Даже имена Несторовскихъ кумировъ, побывавъ за границей, возвращались къ намъ въ неузнаваемыхъ онѣмеченныхъ формахъ, Корша вмѣсто Хорса и Дашубы вмѣсто Дажьбога. И если люди, какъ Гизель, Димитрій Ростовскій, Ломоносовъ и отчасти даже нашъ исторіографъ Карамзинъ, непрекословно, рабски подчинялись авторитету польскихъ и нѣмецкихъ источниковъ, не свѣ-

ря ихъ съ дѣйствительностію быта и преданій народной старины, то возможно-ли упрекать иноковъ XIV вѣка. если они внесли въ нашу русскую міеологію имена и повѣрія намъ чуждыя, но заимствованныя ими отъ другихъ родственныхъ для насъ славянскихъ племенъ.

Мы далеки отъ мысли въ этомъ бѣгломъ обзорѣ свѣдѣній, доставленныхъ намъ древней нашей письменностію, положить окончательный приговоръ ихъ чуждаго, нерусскаго происхожденія въ виду того, что этотъ важный вопросъ требуетъ усидчивой, осмотрительной работы и большихъ историческихъ и лингвистическихъ познаній, и мы сочли бы нашу цѣль вполне достигнутой, если бы этой самой статьей выдвинули впередъ на арену ученой критики вопросъ, липъ косвенно затронутый до нынѣ г. Миллеромъ и Ягичемъ и ожидающій еще всестороннихъ критическихъ его изслѣдованій.

Д. Шеппингъ.